

ЦЕЙХГАУЗ

УНИФОРМА • НАГРАДЫ • ОРУЖИЕ • ЗНАМЕНА • ГЕРАЛЬДИКА

СРЕДНИЕ ВЕКА
АРМИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА
ЗАВОЕВАТЕЛЯ, 1066

XVIII ВЕК
ГОЛШТИНСКИЙ
ПРИНЦ И РУССКАЯ
ГВАРДИЯ

1812
ТРОФЕЙНЫЕ
ФРАНЦУЗСКИЕ
КИРАСЫ

ГРАЖДАНСКИЕ
ЧИНЫ
«НЕСТРОВЫЕ
ОФИЦЕРЫ»

КОЛЛЕКТИВНЫЕ
НАГРАДЫ
ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ
ФАНАГОРИЙСКОГО
ГРЕНАДЕРСКОГО
ПОЛКА

ФАЛЕРИСТИКА
НАГРАДНЫЕ ЗНАКИ
КРЫМСКОЙ АССР

РККА
ЦВЕТНЫЕ
КАВАЛЕРИЙСКИЕ
ФУРАЖКИ, 1927-29

№ 2 / 2000

ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ И СОДЕЙСТВИИ ДЕПАРТАМЕНТА ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МИНКУЛЬТУРЫ РОССИИ

11

«Во избежание ошибок...»

Отношение военного министра М.Б.Барклая де Толли
Главнокомандующему 2-ю Западною армиею князю П.И.Багратиону

В Вильне

3 июня 1812 года

Во избежание ошибок при употреблении зарядов во время сражения предположено нарисовать на крышках единорожных ящиков по обеим сторонам по одной гренате, а на пушечных по одному ядру.

Предположение сие одобрено Его Императорским Величеством.

Я имею честь сообщить Вашему Святельству об исполнении сего предположения по артиллерии, состоящей при вверенной Вам армии.

Военный министр
Барклай де Толли

Помета: № 842

РГВИА. Ф. 103. Оп. 209г. Св. 39. Д. 122а. Л. 13.

Публикация А.Вальковича

Обер-офицер Владимирского
Уланского полка, 1812-1814 гг.
Акварель неизв. автора.
(«Историческое описание одежды
и вооружения...»,
Ч. XI. №1551. ВИМАИВиВС)

О пистолетах и мушкетонах

Указ императора Александра I
управляющему Военным
министерством
генерал-лейтенанту князю
А.Н.Горчакову

10 ноября 1812 г.

Отменяя в кирасирских и гусарских полках карабины, а в драгунских ружья, повелено Вам сделать распоряжение к отобранию оных от полков в артиллерийское ведомство. После сего во всех кирасирских, гусарских и уланских полках останется огнестрельное оружие: пистолеты по штатному положению, да в эскадроне кирасирском и уланском по 16-ти штучек, а в гусарском по 16-ти мушкетонов; в драгунских же одни только пистолеты.

Александр

Помета: В С. Петербурге

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2438. Л. 389.

Публикация А.Вальковича

Обер-офицер и бомбардир Гвардейской пешей артиллерии. 1812-1814 гг. Акварель неизв. автора. («Историческое описание одежды и вооружения...» Ч. VIII, №2157. ВИМАИВиВС)

ВНИМАНИЕ!

В издательстве «АСТ» в серии «Солдат» вышла очередная книга – «Первая мировая война 1914-1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии», при подготовке текста которой были допущены грубейшие нарушения авторских прав и научного приоритета.

В руки автора книги А.И.Дерябина попали оригинальные тексты, никогда прежде не публиковавшиеся, посвященные истории гвардейской кавалерии и конной артиллерии. Эти материалы, содержащие уникальные сведения обо всех преобразованиях, боевом пути и командирах гвардейских частей, составили целый раздел книги. Результаты многолетних архивных изысканий были опубликованы без разрешения авторов.

Признавая права интеллектуальной собственности, публикуем имена истинных авторов – сотрудников Российского государственного военно-исторического архива: А.М.Вальковича, Н.В.Ильиной, А.П.Капитонова, И.В.Карпеева, Л.Я.Сает и сотрудника Российского государственного военного архива – Н.Д.Егорова.

«Поперешники»

Приказ
Военного Министра

Сентября 5-го дня 1809 года

№. 117-й

По Высочайшему повелению предписывается всем выпущенным и впредь выпускаемым из Учебного Гренадерского батальона в армейские полки унтер-офицерами, а равно и Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона из резервной роты в полевую Артиллерийскую бригаду Фейерверкерами, носить на обоих погонах на поддольма от шва плеча *поперешники* из Гвардейского узкого басаона.

Подписал Военный Министр
Граф Аракчеев

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2243. Л. 95.

Публикация С.Попова

Рядовой Серпуховского драгунского полка. 1808-1811 гг. Акварель Клюквина («Историческое описание одежды и вооружения...» Ч. XI, №1447. ВИМАИВиВС)

«Нестроевые офицеры»

Гражданские чиновники

в войсках военно-судного

ведомства. 1801–55

Сергей ПОПОВ

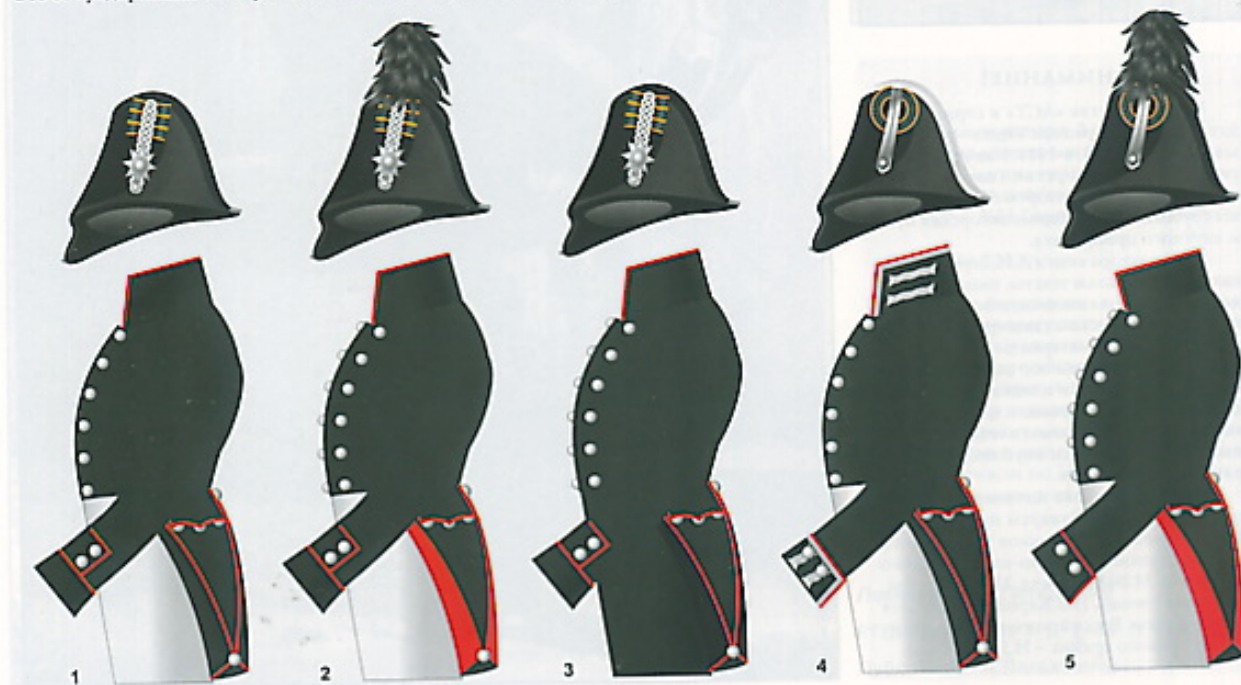
Кроме чиновников собственно Военного министерства, мундиры которых описывались в предыдущих номерах «Цейхгауза», в военном ведомстве существовало еще несколько групп гражданских чинов, числявшихся непосредственно в штатах военных частей, соединений и учреждений. Этим чиновникам полуофициально именовали «нестроевыми офицерами» и им были присвоены мундиры военного покроя, такого же, как у офицеров, но без эполет и прочего военного «прибора». Мундиры эти почти не изучены. Их описания изобилуют пробелами и неточностями, которые мы попытаемся восполнить и исправить.

К началу XIX столетия в штатах русских полков числились также гражданские чины, как аудиторы и лекари, во всех конных частях полагались, кроме того, штаб-мейстеры, а в Инженерном корпусе – цейхвартеры и унтер-цейхвартеры. Все они носили темно-зеленые двубортные кафтаны (аудиторы и цейхвартеры – на красной подкладке, лекари и штаб-мейстеры – на зеленой) с темно-зелеными же отложным воротником и обшлагами, с серебряными пуговицами (у штаб-мейстеров – обтяжками) и отвернутыми полами. При мундире полагался темно-зеленый камзол с серебряным галуном, пальевые штаны и сапоги с железными шпорами и шпиль-манжетами, а также офицерская шляпа, обшитая узорчатым серебряным галуном, с шитой петлицей и бантом-кокардой. Это обмундирование было установлено Пав-

лом I и описано в пехотном и кавалерийском уставах 1796 года, с некоторыми более поздними дополнениями¹.

В начале царствования Александра I были разработаны новые описания одежды для всех чинов военного ведомства, в том числе и гражданских чиновников военных частей.

Медицинские чины. Согласно «Описанию о покрое и шитье мундиров по пехоте», утвержденному 15.I.1802 г., полковым и батальонным лекарям полагались «мундиры темно-зеленые с таким же стоячим воротником, на темно-зеленом стамедном подбое, с темно-зеленой же суконой на полах и фалдах обкладки, с круглыми на рукавах обшлагами, и над ними одноцветные с мундиром кланяцы, которые, как равно и все края воротника, обшлага, карманных клапанов и обкладки на полах и фалдах, оторачивать красным сукном,

так, чтоб везде была оторочка представляла вид нашитого шурка». Мундир этот был офицерского покроя, но односторонний, на 6 бейлах (серебряных) пуговиц. К нему были положены черный галстук (шейный платок), белые сухонные панталоны и короткие сапоги «по образцу солдатских», шляпа с офицерским темляком, а также высокая треугольная шляпа с прежней кокардой-бантом, серебряными кисточками по углам, серебряной же шитой петлицей и без султана². Такие же мундиры вскоре были положены для лекарей кавалерийских частей и артиллерии³.

Следует отметить, что художник, изобразивший этот мундир для издания Висковатова, совершенно неправильно интерпретировал описание обшлагов: на рисунке в «Историческом описании» они изображены разрезными, с длинным клапаном, как на пехотном мундире, только с двумя пуговицами вместо трех⁴. В действительности они были круглые, а почти квадратный клапан был нашит на рукаве выше обшлага, по тому образцу, который был широко распространен в павловскую эпоху. Подобные несоответствия во множестве встречаются в труде Висковатова; упоминать обо всех из них в этой статье не имеет смысла.

1. Лекари, 1802 г.
2. Аудитор, 1802 г.
3. Цейхвартер, 1802 г.
4. Медик V-го кл. в мундире 2-го разряда, 1806 г.
5. Берейтор, 1812 г.
6. Ветеринарный лекарь, 1816 г.
7. Берейтор Гвардейской берейторской школы, 1826 г.
8. Чиновник для обучения музыкантов (гвардия), 1826 г.
9. Старший ветеринарный лекарь, ок. 1834 г.
10. Капельмейстер (гвардия), 1836 г.

Штаб-пекарь и лекарь, 1806-1811 гг.
(«Историческое описание одежды и вооружения...», ч. VIII.
Фрагменты лл. №№ 1303 и 1304)

Спустя какое-то время (не позднее 1804 г.), павловские банты-кокарды на шляпах всех офицеров и чиновников были заменены круглой розеткой из той же, черной с оранжевыми каймами, ленты; шитая узорчатая петлица уступила место более простой, из узкого серебряного галуна с пуговицей.

1.VII.1806 г. был утвержден доклад военного министра с описанием нового обмундирования для военных медиков⁵. В соответствии с ним «медицинским чинам в армии всем вообще, классные чины исключая» предписывалось носить мундиры почти такие же, какие полагались с 1802 г. армейским лекарям, но с разрезными обшлагами без клапанов (две белые плоские пуговицы располагались прямо на обшлаге). Для различия рангов должностей вводилось 4-разрядное серебряное шитье на воротнике и обшлагах мундиров:

1. две волнистые петлицы с узорчатым бордюром и кантом — для генерал-штаб-доктора, главного инспектора военно-медицинской части;

2. такие же петлицы с кантом, но без бордюра — для генерал-штаб-лекаря, главных докторов госпиталей и дивизионных докторов;

3. волнистые петлицы без канта — для субинспекторов, операторов (т. е. хирургов) и штаб-лекарей (главных лекарей);

4-й разряд (без шитья) был сохранен для полковых и батальонных лекарей.

Судя по всему, именно военно-медицинский мундир послужил образцом для мундира чиновников Военного министерства, введенного в начале 1808 г. и ничем, кроме золотого цвета шитья и пуговиц, от него не отличавшегося⁶.

© Сергей Почев

При мундире медиком теперь полагалось носить прежние шляпу и шпагу, офицерские сапоги со шпорами, а в холодное время — серую шинель с пестриной и серым же воротником с зеленой выпушкой. В походе или для занятий по специальности они могли надевать серые панталоны и серый же прямый сворток (очевидно, однобортный) с темно-зеленым воротником и пуговицами белого металла. Медики в чине статского советника и выше имели вдоль полей шляпы белый плюмаж, который, впрочем, был отменен 8.VI.1809 г., при введении для генералов витой петлицы из серебряного канительного шнурка⁷. Тогда же медиком было разрешено носить в будни вместо белых панталон темно-зеленые, и был введен темно-зеленый сворток с белыми пуговицами и воротником как на мундире, но без штыля⁸.

Как и все прочие чины военного ведомства, с 1812 г. медики стали носить более широкие воротники, застегнутые на крючки, а с 1815 г. — кокарду с дополнительной серебряной полоской на шляпе.

В феврале 1826 г. для медиков были установлены мундиры на девять пуговиц вместо прежних шести, и темно-зеленые панталоны на выпуск, с красной выпушкой. Белые суконные панталоны с ботфортами были оставлены только статским советникам и выше для парадных случаев⁹. На летнее время, при службе в расположении войск, были положены белые полотняные панталоны.

В утвержденном 4.III.1834 г. положении о мундирах для чинов Военного министерства было указано, что «все медицинские и аудиторские чины в войсках сохраняют прежние мундиры»¹⁰, однако шитье на мундирах медиков с этого времени подверглось некоторой модернизации, явно под влиянием новых образцовых рисунков, приложенных к этому положению (см. «Цейхгауз» № 9). В частности, петлицы, прежде волнистые, теперь стали прямыми. Видимо, в этот же период добавился еще один, высший, разряд шитья: для главного военно-медицинского инспектора шитье было теперь положено не только на воротнике и обшлагах, но и на карманных клапанах, а мундиры без штыля на клапанах стали носить все прочие медики 4-го класса и выше¹¹.

Примерно с начала 1830-х гг. пуговицы на мундирах военного образца стали делать «дугами» (вместо прежних плоских). Вплоть до 1855 г. у всех классов чинов, состоящих при войсках, они были гладкие, без гербов и эмблем.

Фармацевтические чиновники в армии долгое время не имели особого мундира, хотя содержание аптек и заготовка лекарств в военно-медицинском ведомстве и придавалась особое значение. Лишь 3.V. 1832 г. было решено «присвоить всем фармацевтам, без различия их звания, т.е.: аптекарям, провизорам, кандидатам фармации и гермам — аптекарский мундир медицинского звания»¹². Описание мундира не приводилось; согласно Висковатову, он был такой же, какой носили пол-

ковые и батальонные лекари, т.е. военно-медицинский мундир без штыля¹³.

Обмундирование для **ветеринарных чинов** военного ведомства было впервые установлено 2.II.1816 г. Им был присвоен мундир по образцу военных медиков, но не темно-зеленый, а темно-синий. Ветеринарным лекарям полагалось иметь по одной серебряной волнистой петлице на воротнике и по две на обшлагах, а ветеринарные помощники, состоявшие в классных чинах, носили такой же мундир, но без штыля. Шпагу ветеринары имели не пехотную, а кавалерийскую¹⁴. С 1826 г. им также были присвоены мундиры с девятью пуговицами по борту и темно-синие панталоны с красной выпушкой, а около 1834 г. петлицы на мундирах стали прямыми, причем произошло следующее разделение: младшие ветеринарные лекари сохранили мундиры с одной петлицей на воротнике и двумя на обшлагах, а старшие получили на воротник и обшлаги по две петлицы¹⁵.

Полковые **аудиторы** — чиновники, исполнявшие функции военно-судебного надзора, первичного дознания и следствия по военно-судебным делам — получили по штатам 1802 г. такие же мундиры, как у лекарей, но двубортные, на красной подкладке и с красными же отворотами фалд. Панталоны им были положены замшевые или лосиные, с ботфортами¹⁶. Клапаны на рукавах, нашивавшиеся первоначально над обшлагом, в скором времени, видимо, трансформировались в соответствии с покроем общего пехотного мундира. Согласно рисункам в «Историческом описании...», аудиторам был присвоен черный офицерский султан на шляпе, хотя ни в одном описании это не указано.

В феврале 1826 г. аудиторы получили темно-зеленые панталоны с красной выпушкой и однобортные мундиры на девять пуговиц, причем с красной выпушкой по борту (согласно Висковатову)¹⁷.

Должности аудиторов обычно замещались выходцами из нижних чинов или из кантонистов. Ни полковым аудиторам, ни обер-аудиторам, состоявшим при дивизиях и корпусах, не полагалось мундирного штыля; только генерал-аудитору — главе Аудиторского департамента — и обер-аудиторам, достигшим чинов 4-5 классов, с 1845 г. полагался мундир мест, подведомственных Военному министерству, с шитьем 1-го разряда. Лишь в 1855 г., уже при Александре II, аудиторы получили более яркие мундиры, с малиновым приборным сукном и серебряными петлицами.

Должность полкового **квартирмейстера** (в просторечии **квартирмейстера**) — чиновника, располагающего войска на квартиры и заведующего приемкой продовольствия для них — до 1796 г. считалась пестровой, а затем стала замещаться одним из полковых обер-офицеров. Однако с 4.VI.1819 г. в гвардейских частях квартирмейстеров снова стали назначать из классных чиновников (чином не выше 8-го класса). Им были присвоены такие же мундиры, как у аудиторов¹⁸.

Берейторы, заменившие с 1802 года шталмейстеров во всех кавалерийских частях, занимались выездкой лошадей и обучением верховой езде. Ни в одной из табелей начала XIX в. описание их обмундирования не приводится. Лишь по указанию Вискова-

Вверху — армейский капельмейстер (1836-52 гг.) и, ниже — старший ветеринарный лекарь (1826-52 гг.). («Историческое описание одежды и вооружения...». Ч. XXV. Фрагменты лл. №№ 1040 и 1028)

Вилле (Виллие) Я.В., лейб-медик, профессор Медико-хирургической академии. (Литография 1824 г. по оригиналу Е.Эстеррейха)

това (на более позднее время) можно заключить, что берейторы носили такой же мундир, что и аудиторы, но с разрезными обшлагами кавалерийского образца без клапанов, и кавалерийскую шапку. Видимо, с 1832 г. им было разрешено носить усы¹⁹.

Берейторы Гвардейской берейторской школы с 1826 г. отличались темно-зелеными чикирами с красными лампасами, а значительно позднее, в 1850 г., получили особые мундиры с гербовыми пуговицами и золотым шитьем²⁰.

Цейхвартсерами и унтер-цейхвартсерами назывались чиновники, заведовавшие артиллерийским и инженерным имуществом в гарнизонной артиллерии и Инженерном корпусе. Первые от вторых отличались, видимо, только чинами: цейхвартсы состояли в чинах 9-11-го, а унтер-цейхвартсы — 12-14-го классов. Тем и другим, согласно «Описанию мундиров артиллерии» от 27.III.1802 г., были присвоены такие же мундиры, как аудиторам, но на черной подкладке и с черными с красной выпушкой отворотами фалд, и шляпы без султана. Чуть позже, 16.VI.1802 г., панталоны им были даны темно-зеленые²¹. Все последующие перемены в их форме вполне соответствовали эволюции аудиторских мундиров.

Нельзя не отметить, что в «Историческом описании...» цейхвартсы на всех рисунках изображаются с черными (с красной выпушкой) воротниками и обшлагами на мундирах, что напрямую противоречит вышеупомянутому описанию 1802 г. В документах за следующие полвека также не удается обнаружить указаний об установлении у них черных воротников и обшлаг. Однако известно, что при введении новой формы в 1855 г. воротник и обшлага цейхвартсам были оставлены

«прежнего» черного сукна²². Остается предположить, что к концу царствования Николая I (возможно, с 30-х гг.) цейхвартсам действительно было присвоено черное приборное сукно с красной выпушкой; приказ об этом, быть может, еще предстоит найти.

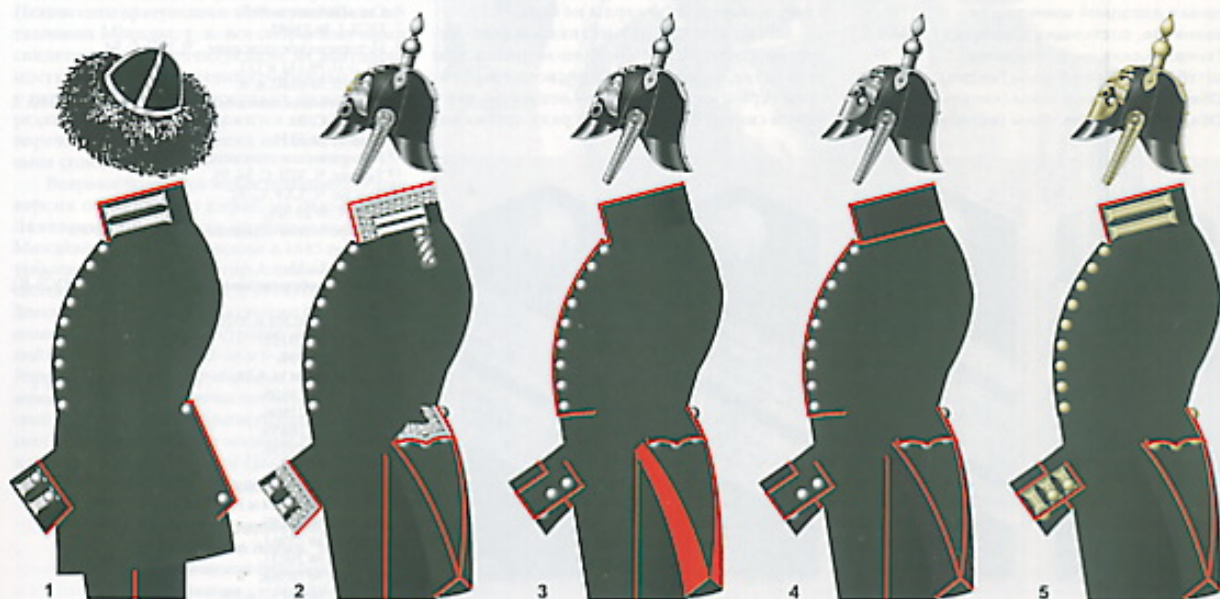
Штатные капельмейстеры (чины музыкальной части) появились в русской армии лишь в 1826 году. Положением от 22.IX.1826 г. в каждом полку было позволено иметь по одному чиновнику для обучения музыкантов; разрешалось назначать на эту должность собственных полковых музыкантов, выслуживших 12 лет в унтер-офицерском звании и получивших чин 14-го класса. Им был присвоен мундир чиновников Главного штаба Е. И. В. (темно-зеленый однобортный на девять золотых пуговиц, с темно-зелеными же панталонами и красными выпушками на воротнике, обшлагах и фалдах);

в гвардии с золотыми петлицами (поначалу волнистыми) на воротнике и красных обшлагах клапанов, в армии без петлиц и с темно-зелеными клапанами на обшлагах²³. Вскоре в войсках появились и корпусные капельмейстеры. После упразднения Главного штаба в 1832 г. музыкальные чиновники сохранили свои мундиры.

«Положением о мундире для чинов мест, подведомственных Военному министерству», утвержденным 22.VII.1836 г., капельмейстерам и чиновникам для обучения музыке в гвардии было положено иметь на прежних мундирах золотые петлицы с кантом, а в армейских войсках — без канта. Состоявшим в кавалерии были присвоены кавалерийские шапки, а в пешеходных частях — пехотные²⁴. 25.I.1840 г. такой же мундир, но без штыря, и шапка без темляка были присвоены капельмейстерам из иностранцев, состоявшим при войсках резервной кавалерии для обучения трубачей²⁵. В 1844 г. были установлены должности помощников капельмейстера Гвардейского корпуса (им полагалось состоять в чине 10-го класса) и дирижера музыки гвардейской пехоты (9-й класс)²⁶.

22.III.1845 г. было сокращено число музыкальных чиновников в армейских войсках: в штатах была оставлена только должность корпусного капельмейстера (с чином 10-го класса), ему же вменялось в обязанность наблюдать за обучением музыкантов. Полковым же учителям музыки было разрешено дослуживаться без права чиновпроизводства; впоследствии на эти должности разрешалось набирать только по вольному найму.

1. Штаб-пекарь войск Кавказского корпуса, 1850 г.
2. Лейб-медик, генерал-штаб-доктор военного ведомства, 1852 г.
3. Аудитор и квартирмейстер (гвардия), 1852 г.
4. Цейхвартс (армия), 1852 г.
5. Капельмейстер (армия), 1852 г.

Капитальные погоны на мундиры военных медиков:

1. Генеральских чинов.
2. Штаб-офицерских чинов.
3. Ober-офицерских чинов.

В 1835 г. для случаев, когда чиновникам при войсках полагалось быть верхом, им были присвоены чепраки и чушки: темно-зеленые (у ветеринаров – темно-синие), с двумя рядами золотого или серебряного (по цвету пуговиц) галуна, имеющего по краям красную выпушку²⁰. 20.V.1844 г. всем им были присвоены фуражки вновь установленного образца: темно-зеленые или темно-синие, по цвету мундира, с таким же околышем и с тремя красными выпушками. Медикам, находившимся непосредственно в составе войск, эти фуражки были присвоены чуть раньше, 16.IV.1844 г., причем с кокардой²¹.

4.VI.1850 г. «медикам, равно и всем нестроевым и классным чинам, находящимся собственно при войсках Отдельного Кавказского Корпуса», было позволено, на время их службы на Кавказе, «носить ниже обмундирования по форме, утвержденной для войск сего Корпуса»²². При этой форме вместо мундира полагался полукафтан (с сохранением всех мундирных атрибутов), а вместо шляпы – круглая папаха с черным мехом.

2.II.1852 г. всем чиновникам, состоящим при войсках военного ведомства, вместо шляп были присвоены черные кожаные каски со шпилем в виде грената, с чешуей и с гербом: для числящихся при войсках гвардии и в военно-учебном ведомстве – гвардейским, а для прочих – армейским, имеющим гладкий щит. Цвет металлического прибора каски полагался по цвету пуговиц на мундире. Для чинов 4-го класса и выше каска имела дополнительные генеральские украшения и корону в шите герба (если герб был армейский). У штатных классных чинов под правым креплением чешуи на каске располагалась круглая металлическая кокарда (тогда же она была им всем присвоена и на фуражки); у вольнонаемных кокарды не было²³.

Месяц спустя лейб-медикам и лейб-хирургам, состоявшим в военно-медицинском ведомстве, на каски был присвоен гвардейский герб с императорским вензелем, как у чинов свиты. Тогда же им и ряду других во-

енных медиков, имевших чин не ниже действительного статского советника, были установлены вытые погоны из серебряной генеральской канители²⁴. Прочие медики получили погоны лишь 30.IX.1854 г.: состоящие в обер-офицерских чинах – выложенные из канительного шнура, а в штаб-офицерских – плетеные. Помощникам 14-го класса были присвоены простые погоны из темно-зеленого сукна²⁵.

29.IV.1854 г. всем чиновникам в войсках (не упоминались только цейхвартеры) были присвоены походные шинели военного времени, солдатского образца, с кавалерийским разрезом сзади, имеющие воротники как на мундирах, но без шитья, и мундирные же пуговицы. К шинелям полагались темно-зеленые (у ветеринаров темно-синие) погоны; у медиков погоны имели красную выпушку. На погонах нашивались галуны по чинам, как у офицеров, но не в продольном направлении, а поперечном²⁶.

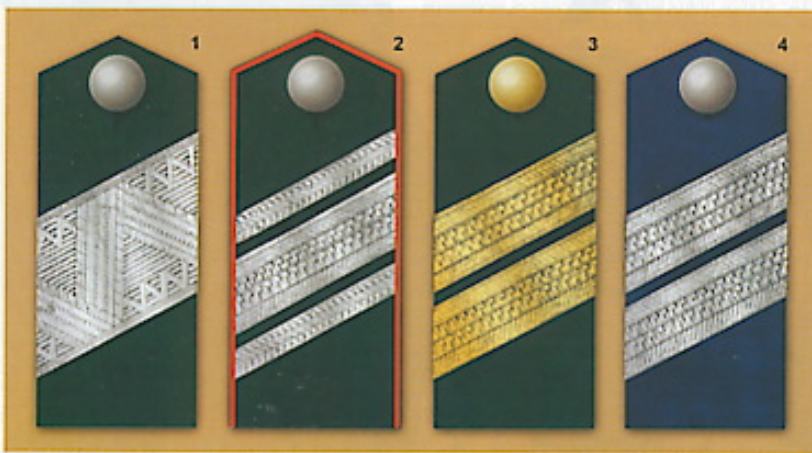
Многие из чиновников, состоявших при войсках, имели в своем подчинении нестроевых нижних чинов: фельдшеров и надирателей больных, аптекарских учеников и коновалов, аудиторских и ветеринарных помощников, цейхвартеров и пейхшрейберов и т. д. Все они носили обмундирование по образцу прочих нестроевых чинов, если состояли в полках и строевых командах; тем же из них, кто числился при госпитальных, арсеналах и иных учреждениях, полагались, как правило, темно-зеленые или темно-синие свортуки и фуражки с красными выпушками и белыми пуговицами.

Для вольнонаемных капельмейстеров был установлен мундир без шитья и шлага без темляка. Такая же форма была присвоена и прочим состоявшим при войсках вольнонаемным учителям: барабанщикам, фехтовальщикам, стрельбам, гимнастике, певчим и т. д.²⁷

С 1837 г. была четко регламентировано ношение шляп классными чиновниками. Те из них, которые состояли в строю, должны были носить шляпу прямо, а прочие – «с поля», т. е. левым углом вперед²⁸ (к первым относились, пожалуй, только музыкальные чины, дирижировавшие оркестрами при парадах и на марше). Еще с 1826 г. чиновникам военного ведомства было положено отдавать честь по-военному: не снимая шляпу, а прикладывая к ней руку; причем когда шляпу носили прямо, то поднимали левую руку, т. е. кокарда на шляпе располагалась слева²⁹.

Погоны к походной шинели для чиновников, состоящих в войсках (1854 г.).

1. Генеральские чины (аудитор).
2. Штаб-офицерские чины (медик).
3. Ober-офицерские чины (капельмейстер).
4. Ober-офицерские чины (ветеринар).

¹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... СПб, 1900. Изд. 2. Ч. VII. С. 69, 103; Ч. VIII. С. 12, 21, 29, 35, 36, 38, 40, 41.

² ПСЗ-I. № 20109.

³ Полное собрание законов Российской Империи. Изд. 1 (далее – ПСЗ-I). № 20186, 20201.

⁴ Историческое описание... Ч. X. Рис. 1288.

⁵ ПСЗ-I. № 22197. Первоначально это описание было разработано еще в положении о медицинском управлении в армии от 4.VIII.1805 г. (ПСЗ-I. № 21866).

⁶ См. «Цейхгауз» № 7.

⁷ ПСЗ-I. № 23695.

⁸ Историческое описание... Ч. XIII. С. 54.

⁹ ПСЗ-II. № 141 и 171.

¹⁰ ПСЗ-II. № 6880, п. 8.

¹¹ Историческое описание... Новосибирск, 1944. Изд. 2. Ч. XXV. С. 31.

¹² ПСЗ-II. № 5331.

¹³ Историческое описание... Ч. XXV. С. 32.

¹⁴ Там же. Ч. XIII. С. 54-55.

¹⁵ Там же. Ч. XXV. С. 32.

¹⁶ ПСЗ-I. № 20109.

¹⁷ Историческое описание... Ч. XXV. С. 32-33.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Полное собрание законов... Изд. 2. (далее – ПСЗ-II). № 24673.

²¹ ПСЗ-I. № 20201 и 20287.

²² ПСЗ-II. № 29121.

²³ ПСЗ-II. № 594.

²⁴ ПСЗ-II. № 9414, § 16.

²⁵ ПСЗ-II. № 13109.

²⁶ ПСЗ-II. № 17906.

²⁷ ПСЗ-II. № 18855.

²⁸ ПСЗ-II. № 10156.

²⁹ ПСЗ-II. № 519.

³⁰ Историческое описание... Ч. XXV. С. 31-32.

³¹ ПСЗ-II. № 17824 и 17937.

³² ПСЗ-II. № 24199.

³³ ПСЗ-II. № 25961.

³⁴ ПСЗ-II. № 26031.

³⁵ ПСЗ-II. № 28588.

³⁶ ПСЗ-II. № 28197, п. 15.

Трофейные Кирасы Псковского Драгунского Полка

Александр КИБОВСКИЙ

Исследование боя при Ляхово (см. «Цейхгауз» № 10) так и не объяснило вопрос о том, — когда французские кирасы изначально появились у Псковского драгунского полка, и почему партизанские трофеи передали части, даже не участвовавшей в ляховском деле. Теперь, чтобы ответить на эту задачу, необходимо изучить боевой путь Псковских драгун в Отечественную войну 1812 г.

II. Трофейные кирасы в 1812 г.

К началу войны 1812 г. Псковский драгунский полк насчитывал (по спискам на 1 июня) в строю 3 штаб- и 23 обер-офицера, 52 унтер-офицера, 9 трубачей, 485 рядовых и 57 нестроевых¹. Командовал полком полковник А.А.Засс. Полк (4 действующих эскадрона) входил в 1-ю бригаду 2-го резервного кавалерийского корпуса, командир которого генерал-майор и генерал-адъютант барон Ф.К.Корф являлся шефом Псковского полка. При общей драгунской форме полк имел огненный (ярко-оранжевый) приборный цвет сузак и желтый металлический прибор.

Псковские драгуны совершили отступление в рядах 1-й Западной армии и принимали участие в бою 23 июня при Котержинских и в битве 26 августа при Бородино. В последнем сражении полк особенно отличился. Около батареи Раевского Засс дважды успешно вел драгун в атаку, за что получил орден Св. Георгия 4-й степени. 29 августа в арьергардном бою при селе Крымское Засс получил тяжелую рану пулей в руку и выбыл из строя. Командование полком временно принял полковник Ф.Н.Пушкарёв. Однако для нас больший интерес представляют действия Псковского драгунского полка уже после оставления Москвы, т. е. все собранные нами свидетельства, претендующие на достоверность, относят появление трофейных кирас к осени 1812 г. Но поскольку даже в этих редких источниках содержится много противоречий, то для выяснения истины попытаемся сопоставить их.

Впервые более или менее правдоподобная версия о появлении кирас, не связанная с Ляховским боем, была опубликована А.И. Михайловским-Данилевским в 1845 г. в капитальном труде «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах». Здесь в биографическом очерке Ф.К. Корфа помещены следующие строки: «В сражениях под Красным 3-го, 4-го, 5-го и 6-го ноября полки Корфа несколько раз врубались в толпы неприятеля. В одной из многочисленных атак Псковский полк уничтожил французских кирасиров и взял с них латы, до ныне носимые Кирасирским полком Великой Княгини Цесаревны Марии Александровны, переименованным из бывшего

Псковского. Латы эти останутся памятником Корфа, под чьим предводительством были они отбиты у наполеоновских войск»².

Действительно, в начале Красненских боев Псковские драгуны успешно действовали около села Кобызево. В журнале генерал-квартирмейстера К.Ф.Толля 2 ноября 1812 г. записано следующее: «Граф Остерман-Толстой... встретился в Кобызеве с неприятельской кав-

лерией и пехотой, приказал Каргопольскому и Псковскому драгунским полкам немедленно атаковать онаго. Дело увенчалось взятием в плен 10-ти офицеров и до 870-ти человек нижних чинов»³. В общем Журнале военных действий события изложены более подробно: «Генерал-лейтенант Граф Остерман-Толстой 2 числа прибыл с 11 пехотной дивизией в село Кобызеве; узнав, что неприятель находится в полуверсте, почему командировал немедленно эскадрон Каргопольского полка, который изрубил довольноное число, взял в плен 10 человек... Того же числа Генерал-Лейтенант Граф Остерман-Толстой командировал Псковский драгунский полк для очищения окружающих селений, занятых неприятелем. Полк сей, открыв три эскадрона кавалерии, атаковал их и разбил совершенно, взял в плен 5 офице-

Унтер-офицер и рядовой Псковского кирасирского полка. 1813-14 гг. («Историческое описание одежды и вооружения...», Ч. VIII, №1422)

Рядовой Псковского кирасирского полка.
1816 г. Акварель Л.Кипя. (РГВИА)

что командиром корпуса мог он (т. е. Корф — А. К.) быть при князе Кутузове. Прозорливый придворец не решился подозревать неспособность в человеке, имеющем у двора связи. Искусная классификация родов (фамилий) не бесполезным была для него соображением»⁷.

В следующие дни Красненских боев особых отличий Псковского драгунского полка, как то: кавалерийских атак, опрокинутых латников, массы пленных, трофеев и т. п., — документами не зафиксировано. Да и вряд ли 3-6 ноября Псковские драгуны имели возможность «врубаться в толпы неприятеля». 2-й кавалерийский корпус находился преимущественно в резерве авангардного отряда М.А.Милорадовича и даже в острый момент боя 6 ноября избегал активных наступательных действий. Ироничный А.П.Ермолов писал позднее: «В продолжение сражения генерал Милорадович для развлечения сил неприятеля приказал генерал-адъютанту барону Корфу его кавалерийский корпус подвинуть вперед. Он представил, что охраняет правое крыло авангарда. Такое повеление другие войска исполнили без затруднения... Нередко, досида, слышал я над бароном Корфом насмешки оскорбительные: будто в случае действительного наступательных всегда находил он предлог, чтобы ему пути трудными, неудобными, и те же самые пути казались ему весьма годными, когда неприятель делал движение вперед»⁸. На такие обвинения, по воспоминаниям В.И.Левенштерна, «Генерал Корф, человек весьма прямой, громко высказал, что он исполнил буквально приказание фельдмаршала облегчить неприятелю отступление»⁹.

Как бы там ни было, но если при Красном Псковский драгунский полк действительно опрокинул французских кирасир, то произошло это могло только 2 ноября 1812 г. Однако, если дальше рассматривать эту, на первый взгляд вполне правдоподобную версию появления трофейных лат, возникает ряд серьезных вопросов. Во-первых, ни в одном документе, даже в хвалебном рапорте Корфа, ничего не говорится о захваченных кирасах. Во-вторых, самой традиции приписывать элементы вражеского обмундирования и снаряжения «на память» в русской регулярной армии не существовало. Ни один другой драгунский полк, среди которых были и успешно сражавшиеся против французских латников, не додумался одеть вражеские кирасы. Решившись на такой шаг, Псковские драгуны должны были обязательно получить санкцию начальства. И конечно Корф не упустил бы случая отметить столь героический факт в своих победных релициях. В-третьих, если кирасы служили «памятником» отличия драгун при Красном, то почему Псковскому полку передали ляховские трофеи? Чтобы ответить на эти вопросы, безысходно интересно изучить, — на чем же основывался А.И.Михайловский-Данилевский, публикуя в биографии Корфа версию появления французских кирас под Красным. Очевидно, эта информация не являлась личными воспоминаниями историка о 1812 г., т. к. в его записках и дневниках о трофейных кирасах не сказано ни слова.

2-й том капитального сочинения Михайловского-Данилевского снабжен небольшим

ров и 290 человек рядовых»⁴. Однако, наибольшего доверия заслуживает свидетельство непосредственного участника атаки — командующего Псковским полком Ф.Н.Пушкарева. Представляя отличившихся офицеров к наградам, он писал: «ноября 2-го дня, будучи откомандирован для преследования неприятеля, атаковали его стремительно, разбили его совершенно, причем взято в плен 5 обер-офицеров и 171 рядовых»⁵.

Таким образом, традиционно различаясь в численности пленных, документы все же дают общую картину: 2 ноября Псковский драгунский полк, поддерживая 11-ю пехотную дивизию из 4-го пехотного корпуса А.И.Остерман-Толстого, атаковал около села Кобызево кавалерию противника, опрокинул ее и взял в плен 5 обер-офицеров и около 170 рядовых. Тем не менее, шеф полка Ф.К.Корф, по старой шефской традиции выстав-

лять доблесть своих подопечных в самом выгодном свете, 4 ноября рапортовал из села Кобызево, что «Псковский драгунский полк вчерашнего числа три раза атаковал неприятеля и, опрокинув, взял до 500 пленных и 7 офицеров»⁶. Несмотря на откровенную похвалу Корфа, Журнал военных действий охотно опубликовал это сообщение, не утруждаясь сопоставлением с предыдущими донесениями Остерман-Толстого. Впрочем, подобная практика раздувания подвигов (а выдержки из Журнала регулярно печатались в газетах, формируя общественное мнение) была вполне в духе официальной пропаганды, проводившейся Главной квартирой М.И.Кутузова. Бравым сообщением Корфа способствовали также широкие придворные связи барона, всегда ценившиеся Кутузовым. Недаром известный остролов генерал-лейтенант С.Н.Долгоруков, «вызвал заключение,

примечанием, из которого можно узнать, что «биография генерал-лейтенанта барона Ф.К.Корфа была проверена и дополнена многими любопытными сведениями гг. генералом от инфантерии, членом Военного совета Федором Федоровичем Шубертом и членом Государственного Совета тайным советником бароном Модестом Андреевичем Корфом»¹⁰. Не вызывает сомнения, что «любопытное сведение» о захвате кирас при Красном рассказал Михайловскому-Данилевскому именно Ф.Ф.Шуберт, поскольку М.А.Корф (1800-1872) в войне 1812 г. не участвовал. Шуберт же являлся обер-квартирмейстером 2-го кавалерийского корпуса и ближайшим сподвижником Корфа. Отношения между ними сложились самые наилучшие, и за время походов по России и Европе Шуберт получил множество наград и чинов. Конечно, рецензируя биографический очерк Корфа, Шуберт постарался выставить действия своего начальника в самом выгодном свете, украсив рассказ Красненским эпизодом с захватом кирас. Казалось бы — свидетельство ближайшего соратника Корфа и непосредственного участника боев 2-го кавалерийского корпуса не оставляет сомнений в достоверности этой версии, перебивая своим авторитетом все вопросы и рассуждения. Но одно обстоятельство не позволяет так легко закрыть эту тему.

В 1864 г., являясь почтенным генералом, Ф.Ф.Шуберт составил свои мемуары, которые были опубликованы на немецком языке лишь в 1962 г. Вспоминая среди прочего арьергардные бои в конце сентября 1812 г., Шуберт пишет: «Интересный бой произошел около Вороново, где Корф умело использовал местность для поражения врага. Мураму здесь так и не удалось выбить нас с позиций сильнейшим артиллерийским огнем, и наконец он бросил в бой два кирасирских полка, доблестно пошедших в атаку. Корф выждал момент и на стыке двух кавалерийских линий прорвал оба фланга из спрятанной засады; два полка кирасир были окружены и почти полностью перемолоты. Полк самого Корфа (Псковские драгуны), нанесяший основной удар, оделся во французские кирасы, вошедшие с тех пор в его

униформу, и позднее был переименован в кирасирский; эти стальные блестящие кирасы оставили ему на память, а то время как все остальные кирасирские полки носили черные кирасы»¹¹.

Итак, вопреки прежней версии, Шуберт уже не связывает трофейные кирасы с битвой при Красном, а относит их появление к сентябрю 1812 г. Такой оборот вносит существенные коррективы в почти сложившуюся картину. Поскольку Шуберт являлся главным и, видимо, единственным источником информации о захвате кирас при Красном, то вся эта история в свете мемуаров 1864 г. теряет прежнюю достоверность и безапелляционность. Сомнения же приобретают большую силу. Теперь становится необходимым изучить новую версию.

Действительно, 20-22 сентября 1812 г. у Спас-Купли, Винково и Вороново произошли жаркие арьергардные стычки между русской и французской кавалерией. Участвовал в боях и Псковский драгунский полк, 8 офицеров которого были представлены к наградам. Но о столкновении полка с кирасирами ничего не известно. Основным противником русских выступала легкая кавалерия неприятеля. Пленные показали, что серьезный урон понесли 11-й и 12-й конно-егерские, 5-й и 9-й гусарские, вюртембергский и прусский уланские и польский гусарский полки. Видимо в меньшей степени, но все-таки пострадали и какие-то кирасиры. Правда, потери им нанесли не драгуны, а л.-гв. Уланский полк, многие офицеры которого удостоились наград. По воспоминаниям А.П.Ермолова, «французские кирасиры не могли сдержать стремительного нападения нескольких эскадронов гвардейских наних улан, которых пика пригвоздили к их железной броне»¹². Однако, несмотря на успех, уничтожения сразу двух кирасирских полков документально не подтверждают. Видимо, Шуберт опять подыграл своему начальнику, стремясь связать трофейные кирасы с яркими боевыми заслугами шефского полка Корфа. Анализируя бои при Вороново, трудно признать Псковский драгунский полк «наносившим основной удар». Тем не менее, само отнесение кирас к периоду Тарутинского маневра русской армии очень важно. Оно позволяет сопоставить свидетельство Шуберта с воспоминаниями других очевидцев, в частности с мемуарами Н.Н.Муравьева-Карского.

В 1812 г. Муравьев, как и Шуберт, являлся офицером Квартирмейстерской части и служил в Главной квартире. Вспоминая битву 6 октября 1812 г., он пишет следующее: «В сражении под Тарутиным Псковский драгунский полк, опрокинув французских латников, надел неприятельские кирасы, в коих и продолжал бой. В увещание подвигам псковских драгун государь назвал их кирасирами, и они сохранили также во всю войну приобретенные ими французские желтые и белые латы»¹³. Это свидетельство очень интересно и важно. При Тарутино французская кавалерия действительно понесла тяжелые потери, что делает версию о появлении кирас достаточно основательной. Указание Шуберта на период Тарутинского маневра также может служить косвенным аргументом. Помня, что кирасы появились где-то в сентябре-октябре 1812 г., Шуберт в силу преклонного возраста или для

большей героизации образа Корфа мог связать их появление с боем у Вороново. Единственным нюансом в этом случае остается лишь то, что Псковские драгуны в Тарутинском бою 6 октября фактически не участвовали, т.к. 2-й кавалерийский корпус слишком поздно двинулся вперед. По воспоминаниям В.И.Левенитерна: «Когда было наконец получено известие о постепенном отступлении короля Неаполитанского, то Кутузов решился двинуть кавалерию барона Корфа и генерала Васильчикова, но благоприятный момент был уже упущен, это движение имело единственным результатом, что генерал Васильчиков получил возможность поддержать графа Орлова-Денисова и преследовать вместе с ним неприятеля»¹⁴. Таким образом, рассказ Муравьева о героическом захвате кирас не подтверждается. Казалось бы, Тарутинская версия дает сбой по тем же причинам, что и в случаях с Ляховым, Красным и Вороново.

Расставить все точки над i, как нам кажется, позволяют записки шефа Сибирского драгунского полка барона К.А.Крейца, командовавшего в 1812 г. 2-й бригадой 3-го резервного кавалерийского корпуса. Он явно не относился к числу почитателей Корфа, в связи с чем его свидетельство свободно от фимамов и славословия, которые серьезно запутали историю трофейных кирас. Вспоминая октябрь 1812 г., Крейц пишет: «Большая часть кавалерии поступила в команду барона Корфа; сей генерал, будучи шефом Псковского драгунского полка, старался только о возмещении славы своего и под Тарутином отбитые латы у французских кирасиров приказал всем полкам сдать в Псковский полк, который в оные оделся и потом переименован в кирасиры. Впрочем сей полк под Бороудином, предводительствуемый храбрым полковником Зиссом, отлично сражался, но под Тарутином подкреплял только атакующую кавалерию, между которою Польский уланский полк больше всех имел успех»¹⁵.

Кажется, впервые перед нами предстала реальная картина событий, свободная от приукрашивания. Массовый захват кирас при Тарутино подтверждается и другими участниками сражения. Прaporщик Карго-

Командир Псковского драгунского полка в 1810-13 гг. А.А.Засс.
С портрета Д.Ду. 1820-е гг.
(Военная галерея Зимнего дворца)

Шеф Сибирского драгунского полка в 1810-13 гг. К.А.Крейц.
С портрета Д.Ду. 1826 г.
(Военная галерея Зимнего дворца)

Обер-квартирмейстер 2-го кавалерийского корпуса Ф.Ф.Шуберт. Литография Герлина по оригиналу М.Д.Резнова. 1-я четв. XIX в.

польского драгунского полка В.Д.Богусевский записал об атаке 6 октября 1812 г.: «Взяли их лагерь, много пленников, багаж Мюратов, множество кирасирских лат, которых французы не успели надеть»¹⁶. Конечно, такая версия появления трофейных кирас не столь эффектная и героичная. Но рассказ Крейца объясняет противоречия в мемуарах Шуберта и Муравьева. Муравьев, зная о захвате кирас при Тарутине, мог не знать обстоятельств их передачи в Псковский полк. Поэтому естественным его предположением было, что полк сам атаковал неприятеля и получил латы за отличие в бою. Стремление же Шуберта героизировать этот эпизод легко объясняется распространением среди мемуаристов желания приукрасить действительность, а также преувеличить славу Корфа.

Для окончательного подтверждения Тарутинской версии, небезынтересно уточнить, — а что же за кирасы достались Псковскому полку. В РГВИА удалось обнаружить ведомость 1845 г., когда при сдаче кирас в Киевский арсенал было сделано их описание¹⁷. Кирасы нижних чинов: белые позированные, с медною чешуею на плечевых кожаных ремнях, — несомненно представляют собой французские кирасы для кирасирских полков образца 1802 г. Более интересно уточнить происхождение офицерских кирас: латы из двух стальных половинок, обложенные желтой медью (латунью); плечевые ремни покрыты красным сукном; вместо чешуи на ремнях двойные цепочки из латунных колец. Всего таких кирас в Псковском полку к 1817 г. насчитывалось 90 штук. Своеобразный внешний вид позволяет точно идентифицировать эти латы с французскими кирасами обр. 1810 г. для нижних чинов карабинерных полков. В кампании 1812 г. участвовали 1-й и 2-й карабинерные полки, но столь значительных потерь ни при Снас-Купле, ни при Красном они не понесли. Зато в битве при Тарутине их урон был велик. 1-й полк лишился 45 унтер-офицеров и рядовых, а 2-й — от 80 до 100 человек¹⁸. Только при Тару-

тине русским войскам могла достаться почти сотня карабинерных кирас. Этот аргумент не оставляет сомнений в достоверности рассказа Крейца. Проанализировав все источники, следует признать, что реальная история появления трофейных кирас в Псковском драгунском полку выглядит следующим образом.

Импровизированное превращение Псковских драгун в кирасиры, видимо, не было случайным решением Ф.К.Корфа. В 1812 г. 8 армейских кирасирских полков являлись элитой тяжелой русской кавалерии, выгодно отличаясь на фоне 36 полков драгун. Естественно, для Корфа иметь под шефством кирасирский полк было значительно престижнее, тем более, что после упразднения кирас в 1802 г. экипировка драгун и кирасир почти не отличалась. Вероятно, именно возвращение в июне — июле 1812 г. кирас армейским полкам (см. «Цейхгауз» № 5) подсаждало Корфу счастливую мысль. При Тарутине, когда обнаружилось большое число брошенных и захваченных французских лат, Корф решил использовать ситуацию, приказав собрать их и передать для ношения своему Псковскому полку. Но обеспечить сразу весь полк, видимо, не удалось. Поэтому Корф, получив от Орлова-Денисова лаховские трофеи, передал в полк захваченные казаками кирасы. Вполне вероятно, что и после этого Псковские драгуны, следуя указаниям шефа, старались собирать неприятельские латы, и некоторое их число могло действительно попасть в полк при Красном.

Когда Александр I прибыл к армии в Вильно, Корфу с помощью придворных связей не составило большого труда включить своих драгун в высочайший указ 17 декабря 1812 г.: «По опыту нынешней кампании, находя нужным сделать некоторые перемены в кавалерии, повелеваю: 1. Псковский и Стародубовский полки переименовать кирасирскими». На следующий день, 18 декабря, император утвердил «Описание мундиром вновь переименованным полкам», согласно которому Псковскому полку назначалась кирасирская форма «с матионгом и с золотом». 21 декабря указ о переименовании и описание формы были направлены генерал-кригс-комиссару А.И.Татищеву с повелением Алек-

Генерал-адъютант Ф.К.Корф. Миниатюра. Ок. 1816 г. В 1802-14 гг. шеф Псковского драгунского полка

сандра I: «Посему подтверждаю вам сделать новые распоряжения к удовлетворению всех формируемых войск амунициею, оружием, а кавалерийских эскадронов и мундирными вещами всенепременно к 1-му февраля, седлами же, если нельзя к сему времени, то не позже 1-го марта, исполнение чего и возлагаю на ответственность ваишу»¹⁹. Однако, лишь в феврале 1813 г. были заключены контракты с прусскими подрядчиками на пошив мундиров для кирасирских полков. В Кенигсберге направились полковые закройщики, пуговицы давались от казны, сукно и подкладка ставилась пруссаками, «не затруднилась» впрочем некоторого оттенка, «если бы поставленное сукно в точности не подходило к нашим образцам»²⁰. Работа по обмундированию растянулась до апреля, так что вплоть до весны 1813 г. Псковские кирасиры носили с французскими латами прежнюю драгунскую форму.

Не вызывает сомнения, что на решение императора о переименовании Псковского полка в кирасирский оказало влияние наличие у драгун трофейных кирас. Казна экономилась на всем, и опыт Корфа не остался незамеченным государем. 1 июля 1813 г. управляющий Военным министерством князь А.И. Горчаков разослал всем гражданским губернаторам охваченных войной губерний указание: «Его Императорское Величество, усматривая из доходивших от гражданских губернаторов сведений об оружии, приобретаемом по изгнании неприятеля от обывателей, что вместе с оружием поступают в ведение Комиссариата и гражданского начальства французские кирасы, высочайше повелеть соизволил все сии кирасы обратить в резервную армию и там, окрасив их, отдавать в кирасирские эскадроны»²¹. Всего в Новоградке к генералу А.С.Колотринову за июль-октябрь 1813 г. было свезено около 400 пар кирас, но почти половина из них оказалась негодной для дальнейшего употребления. Остальные покрасили в черный цвет и передали в части 1-го кавалерийского корпуса Резервной армии. Эта мера была вынужденной, но необхо-

Французская кираса для нижних чинов карабинерных полков обр. 1810 г. По рисунку Л.Руссо

дистой. В каком виде поступали резервные эскадроны хорошо видно из рапорта вел. кн. Константина Павловича главнокомандующему М.Б. Барклаю-де-Толли 12 июля 1813 г.: «Вашему Высочайшему повелению имею честь довести, что сформированные Генералом от Кавалерии Кологривовым резервные эскадроны кирасирских полков: Орденского, Глуховского, Стародубовского, Малороссийского, Новгородского и Псковского, для каждого по одному эскадрону, сего числа... к означенным полкам прибыли, которые осматривая нашел я: 1-е. Лошади есть хороших статей, но в худом теле и есть острокопые; 2-е. Кирасы и каски на людях нет, кроме на некоторых из старых нижних чинов, у которых есть каски, прочие же все в одних фуражных шапках; 3-е. По большей части к пистолетам нет прибойников и соесть того нет на них у седла кожаных крышек по форме кирасирских полков и 4-е. Амуниционные вещи есть некоторые построены не по форме, а именно тех полков, которые имеют желтые пуговицы, на чепраках должны быть и желтая обкладка, но они обложены белыми...»²². Так что использование трофейных кирас в 1812-13 гг. являлось не поощрением, а суровым требованием военной действительности.

Подводя итоги, мы можем признать, что французские кирасы не являлись каким-то боевым отличием Псковского полка, показанным или оставленным ему за конкретный подвиг. Они появились в полку по прихоти и расчету шефа и имели собирательный характер поступления. Как верно заметил Шуберт, эти латы были скорее «памятником Корфа», чем свидетельством героизма Псковского полка. Надо сказать, что поначалу к ним так и относились, не придавая особого значения иностранному происхождению. Когда увеличились штаты кавалерийских полков, никому и в голову не пришло воспринимать французские кирасы как лежью полковую реликвию. 27 декабря 1812 г. 5-эскадронные полки (5-й — запасной) были увеличены до 7-эскадронного состава (7-й — запасной). Реально ввести этот штат удалось лишь после окончательного заморения. До 1815 г. кавалерия фактически сохранила 5-эскадронный состав, а вследствие потерь, некоторые полки сокращались даже до трех эскадронов. Но в следующие мирные годы численность нижних чинов была доведена в полках до штатных требований и увеличилась почти вдвое. При этом количество французских кирас в Псковском полку осталось прежним, что, впрочем, не вызвало никакого беспокойства. Корф, видимо, утратил интерес к этому вопросу, поскольку 1 сентября 1814 г. было велено «господам генералам не быть уже впредь шефами полков». Лишившись шефства и командуя 2-ю драгунской дивизией, он перестал контролировать положение в полку. В результате на императорском смотре в сентябре 1817 г. выяснилось, что больше половины солдат Псковского кирасирского полка носят обычные русские кирасы, крашенные черной краской²³. В принципе никто в полку это не смущало. Но Александр I заметил странную нестрогу эскадронов, и с этого момента в истории трофейных кирас начинается новая эпоха, связанная с мифологизацией и мистификациями.

(продолжение следует)

Обер-офицер Псковского кирасирского полка в прежней драгунской форме и трофейной карабинерной кирасе. Весна 1813 г.

художник Игорь Давыд

¹ РГВИА Ф. 489. Оп. 1. Д. 2523. Л. 68 об. 68.

² Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. Т. 2. СПб., 1845. С. 4.

³ Зеленинский Т. О французских кирасах. // Военно-исторический сборник. 1911. № 1. С. 122.

⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 291.

⁵ Зеленинский Т. Указ. соч. С. 129.

⁶ Там же. С. 122; М.И. Кутузов. Указ. соч. С. 316.

⁷ Ермолов А.И. Записки А.И. Ермолова. 1798-1826 гг. М., 1991. С. 241.

⁸ Там же.

⁹ Левашин В.И. Записки генерала В.И. Левашина. // Русская старина. 1901. № 2. С. 372.

¹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч.

¹¹ Friedrich von Schubert. Unter dem Doppeladler. Erinnerungen eines Deutschen im russischen Offiziersdienst. 1789-1814. Stuttgart, 1962. S. 260-261.

¹² Ермолов А.И. Указ. соч. С. 210.

¹³ Муравьев Н.И. Записки. // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. М., 1989. С. 145.

¹⁴ Левашин В.И. Записки генерала В.И. Левашина. // Русская старина. 1901. № 1. С. 118.

¹⁵ Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вспышка, 1900. С. 75.

¹⁶ Богущевский В.Д. Записки генерала В.Д. Богущевского. // Воронежское дворянство в Отечественной войну. М., 1912. С. 243.

¹⁷ РГВИА Ф. 503. Оп. 5. Д. 536. Л. 59-59 об.

¹⁸ Васильев А.А. Французские карабинеры в бою при Вязьме 13 октября 1812 года. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года. Малоярославск, 1998. С. 51-64.

¹⁹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Ч. 2. СПб., 1889. С. 260.

²⁰ То же. Ч. 3. СПб., 1890. С. 35.

²¹ РГВИА Ф. 396. Оп. 4. Д. 308. Л. 1.

²² РГВИА Ф. 14414. Оп. 10/291. Сл. 68 (281). Д. 24. Ч. 6. Л. 6-6 об.

²³ РГВИА Ф. 396. Оп. 4. Д. 425. Л. 1-3.